А.Л.Никитин

ЧТО НАПИСАЛ СОФОНИЙ РЯЗАНЕЦ?

Начиная с открытия первого, позднего по времени, однако наиболее полного списка "Задонщины" В.М.Ундольского и до последнего времени, когда опубликованы все известные списки этого произведения, в том числе и отрывки из них[1], внимание исследователей возвращается к вопросу о загадочном "Софонии рязанце". Его имя вынесено в заглавие двух списков в качестве имени автора — "Писание Софониа старца рязанца, бл(а)г(о)с(ло)ви от(че): Задонщина великог(о) кн(я)зя г(о)с(поди)на Димитрия Иванович(а) и брата его кн(я)зя Володимера Ондреевич(а)" (Кирилло-Белозерский) и "Сказание Сафона резанца, исписана руским князем похвала, великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу" (Синодальный), специально "поминается" в тексте трех наиболее сохранившихся списков — "Аз же помяну резанца Софония" (У), "И я ж(е) помяну Ефон(и)я ерея резанца" (И—1), "И здеся помянем Софона резанца" (С) и указано в заглавиях пяти списков "Сказания о Мамаевом побоище" по каталогу Л.А.Дмитриева[2].

Еще одно упоминание этого Софония содержится в статье 6888 (1380) года Тверской летописи с указанием, что он является "брянским бояриным", и приводится следующее его "писание":

"В лето 6888. А се писание Софониа резанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу: "Ведомо ли вамъ, рускымъ государямъ, царъ Мамай пришелъ изъ (За)волжиа, стал на реце на Воронеже, а всемъ своимъ улусомъ не велел хлеба пахать; а ведомо мое таково, что хощетъ ити на Русь, и вы бы, государи, послали его пообыскать, туто ли онъ стоитъ, где его мне поведали?"[3]

Следом в рукописи идет текст, зачеркнутый киноварью, соответствующий завершающим фразам "Задонщины" (по спискам У и И—1): "Темъ же всемъ суженое место межу Дономъ и Днепромъ, на поле Куликове, на реце на Непрядве; а положили главы своа за землю Рускую и за веру христианскую. А мы поидемъ въ свою отчину, в землю Залескую, кь славному граду Москве, и сядемъ на своемъ великомъ княжении; чести есмя собе добыли и славнаго имяни. Конец"[4]. Если при этом учесть, что предшествующий фрагмент вероятнее всего заимствован из архетипного начала "Задонщины", которое известно сейчас только по сокращенному виду списков У и

Ж[5], то остается предположить, что в руках редактора Тверской летописи находился список "Задонщины", близкий к списку Ундольского, но более полный, из которого он заимствовал начало и конец, однако затем оставил только первый фрагмент, потому что в последующем к тексту Тверской летописи он присоединил "Сказание о Донском бою"[6], т.е. Распространенную редакцию "Сказания о Мамаевом побоище"[7].

Факт этот, почему-то выпавший из поля зрения исследователей "Задонщины", позволяет с новых позиций рассмотреть известные ее тексты и роль Софония не только в литературном процессе XIV—XV вв., но и в событиях 1380 г.

Кем был Софоний и какое отношение он имеет к "Задонщине" и к "Сказанию о Мамаевом побоище"? Эти вопросы поднимались неоднократно, и к настоящему времени можно считать утвердившимся мнение А.А.Шахматова, высказанное им еще в 1910 г., что Софоний был не автором "Задонщины" или "Сказания о Мамаевом побоище", а предшествовавшего им произведения о победе на Дону, которое исследователь условно обозначил как "Слово о Мамаевом побоище"[8]. Следует подчеркнуть, что вывод этот базировался исключительно на текстологических наблюдениях и, практически, не затрагивал вопроса о личности самого Софония.

Первыми, кто попытался прояснить эту загадочную фигуру, наделяемую столь противоречивыми эпитетами как "резанец"[9], "старец"[10], "брянский боярин"[11], "иерей"[12], был А.Д.Седельников, а за ним — В.Ф.Ржига, которые отождествили "рязанца Софония" "Задонщины" с Софонием Алтыкулачевичем[13], первым боярином рязанского князя Олега Ивановича, известного из текста жалованной грамоты рязанскому Ольгову монастырю, датируемой началом 70-х гг. XIV в.[14] К сожалению, изложенная гипотеза не вызвала интереса у позднейших исследователей, оставивших ее без обсуждения может быть потому, что все внимание последних оказалось направлено на текстологические исследования "Задонщины" и "Сказания о Мамаевом побоище" в их отношении к "Слову о полку Игореве"[15].

Своего рода итог в разысканиях автора "Задонщины" подвела в 1982 г. Р.П.Дмитриева, которая писала: "Гипотеза А.А.Шахматова о не дошедшем до нас "Слове о Мамаевом побоище" и о том, что написано оно было при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича человеком из окружения литовских князей Дмитрия Ольгердовича и Андрея Ольгердовича, не противоречит нашему заключению о Софонии как предшественнике автора "Задонщины". Он как очевидец сражения или как человек, получивший сведения от участников сражения, смог написать свое произведение, которым затем воспользовался автор "Задонщины". И далее: "Следует признать, что автор "Задонщины" воспользовался двумя поэтическими

произведениями — Сочинением Софония и "Словом о полку Игореве"[16].

Между тем, как я отметил еще в 1985 г.[17], в руках исследователей находились все данные, позволявшие им решить загадку того пиетета, с которым Софоний упоминается неведомым автором "Задонщины".

Существование недошедших до нас архетипов, на основе которых создавались последующие редакции произведений "Куликовского цикла", представляется более чем вероятным уже потому, что в сохранившихся более поздних списках обнаруживаются ситуации, не находящие объяснения в самом контексте. Так, из содержания Пространной летописной повести нельзя понять причину яростных инвектив в "лести" (т.е. во лжи) по адресу Олега рязанского, поскольку из повествования следует, что рязанский князь прислал в Москву абсолютно правдивое сообщение о готовящемся походе Мамая вкупе с великим князем литовским Ягайло[18]. Столь же загадочным остается для читателя причина двухдневной остановки московского войска где-то на берегу Дона, в "Сказании о Мамаевом побоище" определяемом как "место, рекомое Березуй", после чего войско совершило выход к устью Непрядвы как раз накануне сражения[19].

На первый взгляд, оба эти факты никак не связаны друг с другом, тем более, с загадкой Софония, но это не так. Как я показал в одной из своих работ[20], традиционно принятый маршрут войска Дмитрия от устья Лопасни прямо на юг к Куликову полю не выдерживает критики, поскольку это направление оказывается много западнее пути, по которому совершались обычные ордынские набеги на Москву — по направлению Ряжск — Переяславль Рязанский — Коломна. Именно там, на последнем отрезке пути в 1378 г. московскими войсками на р.Воже был перехвачен и разбит корпус Бегича. Реальным подтверждением сказанного может служить факт основания на этом пути, неподалеку от нынешнего г. Скопина, Дмитриевского (Ряжского) монастыря, связанного с преданием, что на данном месте за два дня до сражения на Куликовом поле "инок Александр Пересвет" догнал войско Дмитрия и передал ему письмо от Сергия Радонежского с благословением на битву[21].

Насколько мне известно, эта монастырская легенда ранее не учитывалась историками то ли по причине ее малой известности, то ли по причине кажущейся невероятности такого удаления московского войска от места битвы. Между тем, удивляться следует тому маршруту на устье Непрядвы, которым до сих пор отправляют историки московское войско на встречу с Мамаем[22]. Ведь в приведенном выше "писании" или "поведании" Софония, адресованном московскому князю и его двоюродному брату, местом нахождения Мамая указан отнюдь не Дон, куда направляют войска все без исключения тексты

Пространной летописной повести, "Задонщины" и "Сказания о Мамаевом побоище", а река Воронеж, с верховьев которой по высокому водоразделу открывался путь к Рязани и к Москве.

Исходя из такой ситуации, следует полагать, что задачей московских воевод было как можно раньше перехватить только еще формирующееся на перекочевках ордынское войско. Поэтому представляется вполне правдоподобным выдвижение московского войска именно в район нынешних Скопина и Ряжска, туда, где в более позднее время проходили мощные линии "засечной черты". Место это было, видимо, хорошо известным, и туда должны были подойти запаздывавшие полки и дружины, как об этом сообщает "Сказание о Мамаевом побоище"[23]. Если же вспомнить, что два дня "стояния на Березуе" были вызваны замешательством разведки, которая обнаружила Мамая не на юге, как ожидалось, а на юго-западе, за Доном[24], то автор Пространной летописной повести, составлявший ее полвека спустя после событий, вполне мог посчитать такое расхождение "поведания" с действительностью коварным замыслом ("лесть") рязанского князя. Между тем, никакой "лести" и в помине не было, поскольку в "писании" Софония после сообщения о приходе и намерениях Мамая следовало предложение князьям "пообыскать, тут ли он стоит, где мне поведали"[25].

В этой ситуации по-иному звучит и топоним "Березуй", который, скорее всего, следует выводить не от "березы", как то делается обычно[26], а от "берега" или "бережения", подразумевая под ним традиционное место сторожевого форпоста, выдвинутого "на берег" "Половецкого поля"[27].

Выявленные обстоятельства, сохранившиеся в поздних текстах и восходящие, скорее всего, к гипотетическому "Слову о Мамаевом побоище", позволяют по-новому взглянуть на личность Софония и на его роль в событиях 1380 г., вернувшись к гипотезе Седельникова — Ржиги о его аутентичности рязанскому боярину Софонию Алтыкулачевичу.

Софоний не был и не мог быть автором ни "Задонщины", как правильно показал Л.А.Дмитриев[28], ни гипотетического "Слова о Мамаевом побоище", как это представляла Р.П.Дмитриева[29] и допускал с некоторой осторожностью Л.А.Дмитриев[30], поскольку его единственным "произведением" ("писанием", "поведанием") оказывается сообщение о появлении Мамая и намерениях последнего, сохранившееся в составе Тверской летописи, дошедшей до нас в списке начала XVI в. Более того, можно думать, что реальное сообщение включало также сведения о переговорах между Мамаем, Ягайло и Олегом рязанским, сам факт которых был использован в Пространной летописной повести, а позднее литературно развернут в "Сказании о Мамаевом побоище". Стиль послания Софония, тон обращения к московскому князю, сведения, содержащиеся в нем, и

ссылка на источник ("мне поведали", т.е. доложили), делают вполне достоверным отождествление его автора с рязанским боярином, выступающим секретным посредником между рязанским и московским князем в предупреждении братоубийственной войны.

Вопреки уверениям автора Пространной летописной повести, рязанский князь Олег Иванович не был "изменником" и не мог испытывать никаких симпатий к Орде и ордынцам, находясь между Ордой и Москвой, как между молотом и наковальней, так что любая их стычка губительнейшим образом отзывалась на Рязанском княжестве, подвергавшемся огню и разорению. "Москва страшна, но ордынцы — страшнее",— так можно сформулировать точку зрения всех без исключения обитателей Рязанского княжества в то время. Вот почему мне представляется вполне вероятным, что рязанский князь использовал именно Софония Алтыкулачевича, своего первого и, похоже, наиболее доверенного боярина, чтобы подать весть Москве о грозящей опасности и сообщить об "открытом коридоре" для прохода по Рязанской земле до "Березуя" навстречу Мамаю. В противном случае вторжение московского войска означало неизбежный вооруженный конфликт с немедленным оповещением ордынцев — об этом историки почему-то забывают. И зря, поскольку самым красноречивым свидетельством наличия секретных договоренностей между Олегом рязанским и Дмитрием Ивановичем оказывается основанный вскоре после победы 1380 г. московским князем на рязанской земле монастырь во имя его патрона, Димитрия Солунского, позднее дополненный престолом св. Сергия Радонежского.

Стоит заметить, что "Задонщина" донесла до нас еще одно полустершееся заимствование из протографа, бросающее свет на роль Софония в указанных событиях и на его личность: заимствование, которое в протографе играло, как можно думать, сюжетоформирующую роль, но в "Задонщине" оказалось настолько затушевано, что не привлекло специального внимания исследователей. Между тем, оно дает определенные представления о среде, в которой могло возникнуть гипотетическое "Слово о Мамаевом побоище".

Речь идет об упоминании "Микулы Васильевича" — сына последнего московского тысяцкого, свояка великого князя московского Николая Васильевича Вельяминова, женатого на сестре жены Дмитрия Ивановича и, таким образом, находившегося также в свойстве с боровским и серпуховским князем Владимиром Андреевичем. Последний же, как известно, был не только двоюродным братом московского князя, но и свояком Дмитрия и Андрея Ольгердовичей, на сестре которых был женат[31]. Последнее дает основание именно в окружении данного князя искать авторов произведений "Куликовского цикла", как известно, особое внимание уделивших самому князю и его шурьям. Теперь в этот круг мы должны ввести и Н.В.Вельяминова с его женой Марией Дмитриевной, дочерью суз-

дальского князя, так как по сохранившимся остаткам начала двух наиболее полных списков "Задонщины" (У и Ж) можно видеть, что это произведение в своем протографе открывалось указанием на пир, происходивший в доме Вельяминова, где присутствовали оба князя и куда пришло послание Софония о Мамае. Если учесть, что Н.В.Вельяминов был в это время воеводой в Коломне[32], ближайшем к Рязани пограничном московском городе, то его знакомство с рязанским боярином и постоянные между ними контакты, как сказали бы мы теперь, "по линии общественной безопасности", вряд ли можно подвергнуть сомнению. Таким образом, следует говорить не о "вести с Поля", полученной от безымянных "сторожей", а о задействованных дипломатических каналах самого высокого ранга, по которым в Москву (или в Коломну) была доставлена депеша Софония, если только он не привез ее сам, воспользовавшись приглашением на пир, присутствие на котором для него было не только возможно, но и вполне естественно.

Для последующего изучения "Задонщины" в свете изложенного было бы небесполезно обратить внимание на фрагменты с упоминанием как самого "Микулы Васильевича", который, похоже, в гипотетическом "Слове о Мамаевом побоище" мог играть роль третьего по значению героя повествования, так и его жены, открывающей "плач" московских жен, поскольку, вероятнее всего, эти фрагменты связаны с протографом, носившим более документальный характер, как мы можем видеть по стилю "писания" Софония и сохранившемуся началу с "пиром", чем его последующие переработки в "Задонщине" и в "Сказании о Мамаевом побоище".

Подведем итоги.

Как мне представляется, изложенные выше факты позволяют с высокой степенью вероятности отождествить Софония "Задонщины" с рязанским боярином Софонием Алтыкулачевичем, по всей видимости, крещеным выходцем из Орды. В этом убеждает редкое имя, точное указание на происхождение, узкий временной интервал, общественное положение и тот объем информации, включая упоминание о секретных переговорах рязанского князя с Мамаем и Ягайло, который был передан в Москву и вряд ли был доступен кому-либо другому. Все это дает основания полагать, что акция оповещения Москвы была проведена им с ведома и по поручению рязанского князя, сообщившего таким способом о намерениях Мамая и об открытых для прохода московского войска рубежах Рязанской земли. Единственным произведением Софония было то "писание", которое дошло до нас в списке Тверской летописи. Никакого другого произведения Софоний не создавал, будучи упомянут в "Задонщине" в благодарность за свою миссию, способствовавшую победе над Мамаем. Поэтому усвоение ему какого-то историко-литературного, тем более поэтического сочинения, от которого до нас не дошло ни од-

ной сколько-нибудь достоверной строки, вполне безосновательно и бесперспективно[33].

Появление имени Софония в заголовке некоторых списков "Задонщины" (К-Б и С) объясняется сокращением под пером редакторов и переписчиков упоминания пира и полученного на нем известия, которое было внесено в Тверскую летопись из полного текста "Задонщины", восходившего к ее протографу. Другими словами, при переписке и редактуре имя Софония из "пира" перемещалось в заголовок, поскольку переписчики фразу о "поведании" воспринимали шире, чем только известие о Мамае, распространяя ее на все произведение. Однако при всех сокращениях в списках бережно сохранялась "похвала Софонию", возникшая по принципу "обратного параллелизма" со "Словом о полку Игореве"[34], что может служить дополнительным подтверждением выдвинутой мною гипотезы об отсутствии первоначального противопоставления автором "Слова..." своего творчества — творчеству Бояна, которому он на самом деле следовал, используя тексты XI в. так же, как автор "Задонщины" использовал лексику и фразеологию "Слова о полку Игореве"[35].

Итак, я считаю возможным утверждать, что известие Софония Алтыкулачевича московскому князю о грозящей опасности, дошедшее до нас в составе Тверской летописи, не только предотвратило внезапность нападения ордынцев, но и послужило причиной внесения имени этого рязанского боярина в поэтическое произведение, прославляющее победу московского князя на Дону. Любопытно, что сделано это было по типу "похвалы Владимиру" в известном "Слове о законе и благодати" Илариона ("Похвалимъ же и мы по силе нашеи..." и т.д.[36]), но со ссылкой на автора "Слова о полку Игореве", утверждая, таким образом, преемственность в развитии древнерусской поэтики уже московского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тексты опубликованы: "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания "Слова". М.; Л., 1966. С. 535—556. Принятые условные обозначения списков: У — Ундольского, И—1 — Музейский № 2060, И—2 — Музейский № 3045, Ж — БАН, 1.4.1, К-Б — Кирилло-Белозерский, С — Синодальный № 790.

[2] Все списки Основной редакции: 1) ЛОИИ, собр. Лихачева, № 13, кон. XVII в.; 2) ГПБ, F.IV.228, XVIII в.; ГПБ, Q.XV.70, XIX в.; БАН, 16.17.22, XVIII в.; БАН, 16.13.2, кон. XVII в. (Дмитриев Л.А. Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 481—509). Одно из подобных заглавий воспроизведено полууставом XV в. на л. 180 (последнем) рукописи "Пандекты Никона Черногорца": "Сее слово съставлено именемь Софониа резанца о великом кнези Дмитрии Иоановиче и брата его Василиа Ондреевича и о всех князех русских како билисе беаше за Доном за свою ве[ли]кую обиду с поганым царем Ма-

маем" (Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Голышенко В.С. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 160). См. также: Дмитриев Л.А. Задонщина. // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 345–353.

[3] ПСРЛ. Т. 15. Тверская летопись. СПб., 1863. Стлб. 440.

[4] Там же, прим. 7.

[5] "Кн(я)зь великии Дмитреи Ивановичь с своим братом с кн(я)земъ Владимером Андреевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Ведомо намъ, брате, у быстрого Дону ц(а)рь Мамаи пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залескую землю" ("Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. С. 535); "Князь Дмитреи Иванович своимъ братомъ Владимеромъ Ондреевичомъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Ведомо намъ, брате милыи, что у быстрого Дону ц(а)рь Мамаи пришел на Рускую землю" (Там же. С. 547).

[6] ПСРЛ. Т. 15. С. VI.

[7] Дмитриев Л.А. Описание рукописных списков.... С. 499.

[8] Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К.Шамбинаго "Повести о Мамаевом побоище". // Сб ОРЯС. Т. 81, № 17. СПб., 1910. С. 183. Отличную от остальных исследователей позицию в этом вопросе занимает А.А.Горский, полагая Софония автором недошедшего до нас произведения о времени Батыева нашествия, за отсутствием "данных, позволяющих утверждать, что Софоний не мог быть автором произведения о более ранней эпохе, чем эпоха Куликовской битвы" (Горский А.А. "Слово о полку Игореве" и "Задонщина". М., 1992. С. 125), что, как известно, не может служить сколько-нибудь весомым аргументом, как и последующие его общие соображения (там же. С. 126–136).

[9] Списки "Задонщины" К-Б, С, У; "Сказание о Мамаевом побоище" (основная редакция, печатный вариант); приписка на л. 180 рукописи "Пандекты Никона Черногорца" (Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Голышенко В.С. Описание пергаментных.... С. 160).

[10] Вряд ли можно признать удачными попытки некоторых современных исследователей определить социальный статус Софония как духовного лица ("старец", "иерей"), апеллируя к авторитету монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина, чьей рукой был создан так называемый Кирилло-Белозерский список "Задонщины" (К-Б) в самом конце 70-х гг. XV в. (Лурье Я.С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. XVII, М.; Л., 1961. С. 130–168), древнейший, но, в то же время, наименее исправный (Дмитриева Р.П. Приемы редакторской правки Ефросина. // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла... С. 286–291).

[11] ПСРЛ. Т. 15. С. 440.

[12] Сказание о Мамаевом побоище (основная редакция, печатный вариант). // Сказания и повести.... С. 103.

[13] Седельников А.Д. Где была написана "Задонщина"? // Slavia. R. IX. S. 3. Praha, 1930. P. 535–536; Ржига В.Ф. О Софонии рязанце. // Повести о Куликовской битве. С. 401–405.

[14] Жалованная грамота Олега рязанского. Древнейший документ Московского архива Министерства юстиции. Снимок и текст со статьями Д.В.Цветаева и А.И.Соболевского. М., 1913; Грамоти XIV ст. Київ, 1974. С. 33.

[15] См. статьи Н.С.Демковой, Л.А.Дмитриева, Р.П.Дмитриевой, М.А.Салминой, О.В.Творогова в кн.: "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла; Горский А.А. "Слово о полку Игореве" и "Задонщина". Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992, и др.

[16] Дмитриева Р.П. Об авторе "Задонщины". // Сказания и повести.... С. 366 и 368.

[17] Никитин А. Точка зрения. М., 1985. С. 155.

[18] "И учини собе старий злодей Мамай съветъ нечестивый с поганою Литвою и съ душегубивым Олгом, стати им у реке у Оке на Семень день на благовернаго князя" (Пространная летописная повесть. // Сказания и повести.... С. 16.

[19] "Великому же князю бывшу на месте, нарицаемом Березуе, яко за двадесять и три поприща до Дону" (Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. // Сказания и повести.... С. 37); Киприановская редакция (там же. С. 59); Распространенная редакция (там же. С. 92).

[20] Никитин А. Одиссея Александра Пересвета. // НиР, 1990, № 5. С. 34.

[21] Никитин А.Л. Подвиг Александра Пересвета. // ГДРЛ. Сб. 3. М., 1992. С. 267—268. См. также: Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями. Т. 2. Рязань, 1885. С. 242.

[22] См., напр., работы Л.А.Бескровного, В.А.Кучкина, И.Б.Грекова, Б.А.Рыбакова, Р.Г.Скрынникова и других историков, посвященные последнему юбилею Куликовской битвы.

[23] Сказания и повести... С. 37, 59, 92.

[24] "Приспе же въ 5 день месяца септеврия <...> приехаша два от стражь его <...> и приведоша языкъ нарочитъ <...> Тый языкъ поведает: "Уже царь на Кузмине гати стоить, нъ не спешить, ожыдаеть Олгорда Литовскаго и Олга резаньскаго, а твоего царь събрания не весть, ни сретениа твоего не чаеть, по предписанным ему книгам Олговым, и по трех днех имать быти на Дону" (Там же. С. 37).

[25] ПСРЛ. Т. 15. С. 440.

[26] Бегунов Ю.К. Об исторической основе "Сказания о Мамаевом побоище". // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. С. 489, прим. 71.

[27] См. по этому поводу [Клосс Б.М.] Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского). Примечания // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 214.

[28] "Все сказанное выше заставляет усомниться в, казалось бы, общепринятом утверждении, что автором "Задонщины" был Софоний рязанец, о котором, кстати говоря, мы ничего не знаем. Возможно, Софоний был либо предшественником, либо современником автора "Задонщины", и последний назвал его в своем произведении по аналогии с упоминанием автором "Слова о полку Игореве" своего предшественника — Бояна" (Дмитриев Л.А. История памятников Куликовского цикла. // Сказания и повести.... С. 311).

[29] Дмитриева Р.П. Об авторе "Задонщины" // Сказания и повести.... С. 360—368.

[30] Задонщина // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 345—353.

[31] ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 110—111.

32 Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 215 и 218.

33 Дмитриев Л.А. Задонщина. // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 345—350. Предположение А.А.Горского, что "Софоний рязанец" "был в эпоху Куликовской битвы лицом, которому приписывалось авторство произведения о Батыевом нашествии" (Горский А.А. "Слово о полку Игореве".... С. 136), а в XV в. "было приписано авторство "Задонщины" (там же. С. 125—126), основано, по-видимому, на недоразумении.

34 "Тот боярин воскладаша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским кн(я)зем славу <...> Аз же помяну резанца Софония" ("Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. С. 536).

35 Никитин А.Л. Наследие Бояна в "Слове о полку Игореве". Сон Святослава. // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 112—133. См. также: Никитин А.Л. "Слово о полку Игореве". Тексты. События. Люди. М., 1998.

36 См.: Молдован А.М. "Слово о законе и благодати" Илариона. Киев, 1984. С. 91, 122, 174.